

Обжигающие потоки морозного воздуха врываются во второй мартеновский цех и растекаются по рабочей площадке. Гудящие сталеплавильные агрегаты встречают их жаром, вырывающимися языками пламени. По-настоящему уральские лютые морозы немало хлопот причиняют сталеплави́льщикам, но несмотря на это коллектив второго мартеновского цеха идет даже со значительным опережением графика выполнения производственного плана.

В самом начале рабочей площадки на видном месте большими красными буквами

будку сталевара, встал у пульта управления. Рассказывая о работе, о членах своей бригады, о себе, он то и дело поглядывал на печь.

Через насыпной порог одного из завалочных окон метнулся шлак и тут же сник, хлынув в шлаковую чашу. Потом выплеснулась новая порция шлака, похожего на отражение на воде яркого фонаря. Сталевар нажал на одну из кнопок — приподнялась крышка завалочного окна, опустилась тут же, потом снова поднялась. К открытому окну подходит с лопатой второй подручный Юрий Петрунин, швы-

ручного, и вот уже почти пять лет варит сталь. Интересно, сколько металла выплавлено на восьмой печи с участием Горбунова? Точно подсчитать трудно, но во всяком случае много, несколько миллионов тонн.

Большие изменения произошли во втором мартеновском цехе. Сергей Михайлович помнит, когда на печи работало пять человек. А сейчас втроем справляются, сталь даже быстрее варится. Раньше и заправка печи и подсыпка порогов проводились вручную, а теперь все это механизировано. Горбунов подходит к новой машине с двумя бункерами.

— Эта машина создана для подсыпки порогов, — говорит он. — Ускорит она эту операцию. Испытания показали, что она за 3—4 минуты подсыпает высокий порог, пользуясь старым методом мы затрачивали значительно больше времени.

Николай Моисеев работает с Горбуновым с 60-го года, как пришел со службы. А до армии работал на 25-й печи, в третьем мартеновском цехе. За 10 лет работы на мартене усвоил все премудрости сталеварения, часто подменяет сталеваров других печей и Горбунова, как это было на днях. Сергей Михайлович взял отгул, и Моисеев легко справился в этот день с обязанностями сталевара.

Зашел у нас с Николаем разговор о применении кислорода. Он с охотой поддержал такой разговор, высказал свои мысли.

— Дадут и нам кислород, ждате, пожалуй, не так уж много осталось. Научимся работать с кислородом, обязательно научимся, — уверенно заявил он. — Больше металла будем давать. Это уж точно.

Верю, так оно и будет, потому что сталеплави́льщики Магнитки не привыкли отступать перед трудностями. Еще немало высоких рубежей будет покороено такими, как члены этого небольшого коллектива.

М. ХАЙБАТОВ.

С критическим приветом Тов. ФЕДЮКОВ СТРОИТ ЭКИПИРОВОЧНЫЙ ПУНКТ

На снимке нашего фотокорреспондента Н. Нестеренко вы видите трубы, покрытые снегом, не думайте что это остатки старого водопровода, «сработанного еще рабами Рима».

Эти трубы находятся в помещении, сработаны они в наши дни и монтированы всего несколько лет назад. В нижней части снимка засыпан снегом электромотор, приглядитесь и вы увидите его очертания. Мотор этот прочно замурован льдом, почти наполовину он был в воде.

Такую картину можно увидеть в помещении экипировочного пункта, которое строится в комплексе с девятой доменной печью. Девятая доменная печь уже работает три с половиной

года, а экипировочный пункт до сих пор недостроен. Здесь должна была производиться заправка тепловозов, которые обслуживают станцию Заводская. Все три с половиной года железнодорожники испытывают большие неудобства из-за отсутствия экипировочного пункта.

Сейчас в здании экипировочного пункта — царство белого безмолвия. Тихо, по-зимнему, подобралась почвенная вода и залила все оборудование, какое было здесь. Здание постепенно приходит в ветхость.

Сколько денег израсходовано на строительство нужного объекта, наверное, только одному начальнику комплекса тов. Федюкову известно. Сколько времени еще будет строиться экипировочный пункт, это, наверное, вообще никому неизвестно.

А сейчас пока идет преприательство: начальник комплекса тов. Федюков обвиняет управление капитального строительства в том, что не представлен перечень оборудования, а в управлении заверяют, что все оборудование и документация имеются. Иван кивает на Петра, говорят в таких случаях.

Пора бы, наконец, позаботиться о завершении строительства экипировочного пункта. Нельзя допускать того, чтобы разбазаривались государственные средства.

РЯДОВЫЕ АРМИИ СТАЛЕПЛАВИЛЬЩИКОВ

РЕПОРТАЖ

написано: «Цех имеет 3390 тонн стали сверх плана». Коллектив восьмой мартеновской печи вложил в эту цифру внушительный вклад. Здесь «накопили» за 24 дня января более тысячи тонн сверхплановой стали.

Над одним из завалочных окон восьмой печи повисла громадная груша чугуновозного ковша. Стоя поодаль, за операцией наблюдает сталевар Сергей Михайлович Горбунов. Он явно недоволен ходом заливки. «Остыл, наверное, чугуны, — думает он, глядя, как поток чугуна часто прерывается, — что-то плохо идет».

Осторожно, с небольшими перерывами, машинисту заливочного крана удалось так опустить ковш. Груша поплыла к составу над завалочными машинами. Печь загудела с новой силой, как будто в бушующую внутри нее стихию подлили не чугуны, а масло.

Сергей Михайлович Горбунов, добродушный на вид мужчина сорока пяти лет, среднего роста, полнеющий, вошел в

ряет песок на порог и, загордившись рукой от жара, отходит в сторону. Шлаку дорогу закрыли.

В этот день экипажу Горбунова выдалась нелегкая вахта возле мартена. От сильных морозов нарушилась подача мазута в печь, топливо поступало только по одной стороне. Приходится удваивать энергию в борьбе за сталь.

Первый подручный Николай Моисеев — хороший помощник сталевара, он отлично знает свое дело. Юрий Петрунин, еще совсем молодой — подручный, недавний выпускник 13-го технического училища, тоже быстро приобщился к делу, успешно осваивает сложную профессию.

Пожалуй, любой молодой сталеплави́льщик, попав в бригаду Горбунова, считал бы, что ему здорово повезло. У Сергея Михайловича есть чему поучиться. Вот уже 22 года прошло с тех пор, как он стал человеком огненной профессии. И все эти годы работал он на восьмой печи. Начинать с под-

Июль 1944 года. Первый Украинский фронт переживал трудное время. Тяжелые бои за Львов не прекращались ни на один день. Редко выдавалась свободная минута. С трудом выкраивали время даже на то, чтобы наскоро завернуть мажорочную сигарку и сделать несколько крупных затяжек мажорочным дымком.

Наш стрелковый полк, которым я командовал, закрепился на подступах к украинскому городку Подгаицы. Готовились к новому наступлению.

Оборонительные рубежи гитлеровцев на Львовском фронте держала группировка немецкого генерал-полковника Гарпе. Это был сильный противник. Однако в срок четвертом году резервы у немцев были уже не те. Когда подо Львовом немцы почували опасность прорыва, они оттянули с нашего участка из-под Подгаиц некоторые части и укрепили слабые участки у Львова. Но командование нашего фронта разгадало их маневр. Фланг противника ослаблен, пора действовать.

...Серая пелена предутренней дымки плотно укутала не успевшую остыть за ночь землю. Тихо. Ни выстрела. Только взлетают над окопами немцев мертвенно бледные комки осветительных ракет. Часто взлетают. Боятся немцы. Тихо...

И вдруг — небо разверзлось! Смерч огня и металла рухнул на головы гитлеровцев. Передний край противника на целый час превратился, казалось, в крошечный ад — наши полковые и дивизионные батареи трудились без устали.

— Началось!

Первая линия обороны немцев была парализована. Полк единым рывком ринулся на штурм, в течение почти двух часов немцы не могли оказать серьезного организованного сопротивления. Рукопашная в окопах противника продолжалась недолго: враг стремительно откатился на вторую линию.

Несколько контратак, предпринятых противником, были отбиты. Наконец, фашисты сделали последнюю попытку ликвидировать прорыв: бросили в брешь танки. Но и это не помогло. Полк выдержал натиск, отбил его, и, отставая от бегущих гитлеровцев на шаг, ворвался в следующую линию оборонительных укреплений гитлеровцев. Мы продолжили развивать успех. Остальные полки дивизии отстали от нас, поэтому мы продвигались вперед в полном окружении немцев. Нашим союзником была паника. Слух о дерзких действиях крупной войсковой части русских смущал немцев, и они расступались перед нами, пропуская все дальше и дальше в глубь своего прифронтового тыла, к третьей линии своих укреплений.

Ночью 24 июля полк вышел к Днестру. Немец вел себя неспокойно, то и дело постреливал в нашу сторону. Позиция, занятая моим полком, — незавидная. Берег открытый и ровный, зацепить-

ся не за что. А противоположный, укрепленный немцами, господствует. Днем они спокойно могли бы расстрелять нас. Дождаться рассвета нельзя. И штурмовать с ходу невозможно: на пути Днестр, незнакомая река. Ни бродов, ни переправ не знали. Где их искать? Времени в обрез. Единственный железнодорожный мост гитлеровцы предусмотрительно взорвали. Путь один — вброд.

Тут на командный пункт привели старика, местного жителя.

— Покажешь нам мелкие места? — спросил я его.

— Покажу, покажу. Как не показать. Есть и мелкие.

Первыми переправились разведчики. Их задача была укрепиться на том берегу и в случае, если противник заметил бы переправу, прикрыть полк огнем. Вскоре пришло от них донесение: взвод благополучно достиг противоположного берега и занял оборону.

Посоветовавшись с командирами, решили форсировать реку всем полком.

Темно. Течение быстрое. Средства переправы самые примитивные: бревна, доски, сколоченные наспех из разобранных тут же домов плоты, да несколько маленьких лодок — вот и вся «флотилия». Чтобы не снесло вниз, натянули между берегами канаты. Через час еще одно донесение: переправлен батальон. А вслед за вторым — третьим... Да такое, что

могло бы любого командира обескуражить: батальон солдат не на берегу, а на безымянном острове, почти посреди реки.

На крутом правом берегу, где в темноте, раскинулся город Галич. Он ждет освобождения. А тут такая ошибка... Есть над чем подумать. Отставшие части дивизии не успеют подойти. В штаб дивизии летит радиogramма: «Действуем самостоятельно. Исходя из обстановки. Бой за город начнем утром».

И снова брезжит рассвет, второй рассвет с момента прорыва.

Все орудия, имевшиеся в полку, установлены на прямую наводку — так надежнее! И снова шквал огня. Артиллерийский ураган. Только он может спасти! Только на него надежда!

Полк начал штурмовую переправу. Первым достиг вражеского берега батальон с острова. И с ходу — в бой.

Но вот и первые дома. Нелегко было до них добраться. Многие остались лежать там, на берегу — они не будут забыты, им еще воздадут почести. А пока надо думать о живых, о тех, которые с нетерпением ждут в подвалах домов нашего прихода. О них, униженных и оскорбленных. И мстить, мстить, мстить... Пришла расплата за каждую каплю крови, за каждую слезу.

★ К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

В БОЯХ ЗА РОДИНУ

К одиннадцати часам, когда июльское солнце уже начало подниматься в зенит, полк, благополучно форсировавший Днестр, вел упорные бои.

25 июля 1944 года город Галич был освобожден.

Полк поступил непосредственно в распоряжение командующего Армии А. А. Гречко. Из штаба Армии в этот же день пришел приказ: не останавливаясь, развивать наступление дальше, в район города Станислава. Так закончился для нашего полка второй день июльского наступления на Первом Украинском фронте.

Впереди был Станислав, город Стрий — узел железнодорожных и шоссе дорог, Драгобыч, Борислав и, наконец, Крпатцы — последний рубеж, который отделял нас от западной границы Родины. Все это нам еще предстояло, а 25 июля об этом мало кто думал. Солдаты полка были настолько измотаны двухдневным броском без привалов, без отдыха, без ночлега, что едва держались на ногах. Нужна была короткая передышка, а потом снова вперед. К западной границе. До нее не так уж далеко. Каждый это чувствовал, хотя далеко не каждый здесь бывал. Знали: Карпаты единственное, что отделяет полк от Польши, а ведь это знало — наша земля свободна. Что могло быть важнее этого? Мы ждали этого долгих четыре года. И как бы ни было трудно, верили, что час победы наступит.

М. АЛЕКСАНДРОВИЧ,
зам. главного энергетика КХП,
гвардии подполковник запаса.